

260839

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620395

1

12.11
202

~~12~~

1934

Кривавъ
18авг

341 11
20

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ

ЖИЗНЬ и ПРАВЫ СЛАВЯНЪ

ВЪ IX ВѢКѢ

СОЧИНЕНИЕ

И. И. КРАШЕВСКАГО

переводъ съ польскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. И. ШУЛЬГИНА

СЪ 24 РИСУНКАМИ Е. М. АНДРІОЛЛИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., № 32.

1883

341 $\frac{11}{20}$

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ

ЖИЗНЬ и ПРАВЫ СЛАВЯНЪ

ВЪ IX ВѢКѢ

СОЧИНЕНИЕ

И. И. БРАШЕВСКАГО

переводъ съ польскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. И. ШУЛЬГИНА

СЪ 24 РИСУНКАМИ Е. М. АНДРІОЛЛИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., № 32.

1883

ДРЕВНІЕ СЛАЗАНІЕ

ПІСНІ І ПІСНІ СЛАЗАНІЕ

ВР ІХ ВРІА

Дозволено цензурой, Спб., 2 апреля 1883 г.

И. И. ВАСИЛЬЕВ

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. И. ШУЛЬГИНА

СЪ 24 РИСУНКАМИ Е. И. АНДРОПОВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Давыдовъ, Троицкій пер., № 32.

1883

ГЛАВА I.

осеннее утро...

Надъ темною стѣною лѣсовъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, разливались лучи свѣта, окутывая серебристымъ покровомъ все жаждущее пробужденія отъ зимняго сна, все жаждущее жизни... Благоухающій запахъ листьевъ и едва распустившихся цвѣтовъ, подкрѣпленныхъ освѣжающими лобзаніями бриліантовыхъ капель росы, располагалъ къ веселью, къ инстинктивной радости. На поверхности вѣтвей гордо возвышались золотыя головки водяныхъ растений. Луга въ эту торжественную минуту походили на зеленые ковры, вышитые рукою мастера... Фантастическіе узоры, — золото и разноцвѣтный шелкъ, — украшали ихъ поверхность... Это произведенія мастерской руки природы. Торжественная тишина предшествовала восхожденію солнца; одни только лѣсныя птицы, пробуждаясь отъ сна, заботливо копошились около своихъ жилищъ... Еще нѣсколько минутъ и въ воздухѣ раздались призывы, пѣніе и чириканье маленькихъ пернатыхъ обитателей лѣсовъ. Высоко, подъ самыми тучами, сѣдой орелъ плавалъ въ воздухѣ, зорко слѣдя за добычею на землѣ. Иногда сѣдой властелинъ однимъ взмахомъ могучихъ своихъ крыльевъ останавливался на мѣстѣ и, повиснувъ въ воздухѣ, осматривалъ поле будущихъ своихъ успѣховъ; затѣмъ снова плавалъ въ воздухѣ... Въ лѣсу что-то шелохнулось и замолкло... Стадо дикихъ козъ, выглянувъ изъ густой чащи лѣса, боязливо оглядывалось по сторонамъ. Эти граціозныя созданія осмотрѣли поляну и торопливо побѣжали назадъ... Въ лѣсу снова все затихло... Въ другой части лѣса, минуту спустя, раздался трескъ ломающихся вѣтвей; рогатый лось вышелъ на поляну, поднялъ голову, глубоко вздохнулъ, втянувъ

широко-раскрытыми позднями свѣжій воздухъ, призадумался, почесалъ шею рогами и скрылся... У самой опушки, въ мелкомъ кустарникѣ заискрилась пара блестящихъ глазъ: волкъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на поляну... тутъ же испуганный заяцъ, прижавъ уши, тихонько прокрадывался мимо своего врага, прыгнулъ разъ, другой и присѣлъ.

Тишина царствовала кругомъ...

Еще мгновенье и утрення музыка лѣсовъ начнетъ свой концертъ... Дуновение весенняго вѣтра разшевелило дремлющія вѣтви... Каждое дерево въ этомъ лѣсномъ хорѣ имѣло свою роль, каждое издавало свой особенный звукъ... Музыка началась... Опытный житель этихъ странъ весьма легко различалъ шорохъ листьевъ березы отъ шума сосноваго лѣса, скрипѣніе сухого дуба отъ печальнаго стона ели.

Вѣтеръ шагаль по верхушкамъ деревьевъ, а лѣсъ все громче и громче отвѣчалъ на его привѣтствія,—все ближе, все звучнѣе раздавалась утрення пѣсня непроходимыхъ дебрей...

Высоко надъ лѣсами плыли румяныя тучи, точно только что проснувшіяся дѣвушки, замѣтившія, что ихъ красотою любитъ хитрецъ мужчина. Сѣрое небо покрывалось синеватою краскою на верху, внизу отливало золотымъ цвѣтомъ; бѣленькія тучки причудливой формы развѣивались вѣтеръ по лазурной синевѣ. Первые лучи солнца выплыли изъ за лѣса... Ночь исчезала. Остатки мрака и тѣней расплывались въ дневномъ блескѣ. Надъ ручьями и лугами закипѣли прозрачныя испаренія и, поднимаясь все выше и выше,—точно дымъ жертвенника,—исчезали въ воздухъ, оставляя пылинки воды на произволъ вѣтра. Косые лучи солнца съ любопытствомъ заглядывали въ глубь овраговъ, любовно приглядываясь ко всему, что успѣло ночью разростись, покрыться зеленью, разцвѣсти.

Шумъ лѣса вызвалъ къ жизни хоръ птицъ; природа ожила: луга, кусты, лѣсъ и воздушныя пространства... все дремлющее до сихъ поръ вдругъ заговорило. Жизнь вступала въ полныя свои права... Въ золотыхъ лучахъ солнца вертѣлись, кружились, все выше и выше поднимаясь, рѣзвые, крылатыя дѣти воздуха, что-то щебеча другъ другу, кокетливо поглядывая на тучи, рисуясь передъ лѣсомъ... Кукушки отзывались вдали, дятлы-кузнецы принялись за работу...

Мракъ уступилъ свѣту: явился день...

У самой опушки лѣса, на берегу сонливой рѣки, проносящей свои лѣнныя воды среди камней и громаднхъ корней гигантскихъ деревьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатая листва не пропускала лучей солнца и ночныя тѣни боролись еще съ дневнымъ свѣтомъ, виднѣлась куча вѣтвей—нѣчто въ родѣ шалаша: нѣсколько кольевъ, вколоченныхъ въ землю, а на нихъ въ безпорядкѣ набросанныя вѣтви и корни ели... Около этого жилища, сооруженнаго на скорую руку, видны были остатки костра, угли и нѣсколько недогорѣвшихъ головней... Немного ниже, у самой рѣки, въ высокой и обильной травѣ на подножномъ корму стояли двѣ небольшія, толстыя лошади, привязанныя къ деревьямъ. Должно быть какой-то шорохъ, раздавшійся въ лѣсу въ эту

минуту, напугалъ ихъ или онѣ почували врага; наостривъ уши, раздувъ ноздри эти полудикія животныя нетерпѣливо били копытами объ землю, издавая звуки, отъ которыхъ встрепенулась лѣсная глушь... Въ эту минуту изъ шалаша выглянула голова, покрытая длинными рыжими волосами... Рыжая бо-рода, рыжіе усы и пара темныхъ глазъ—вотъ ея украшенія. Пронзительнымъ взглядомъ глаза эти посмотрѣли на лошадей, потомъ на небо и голова скрылась. Въ шалашѣ началось движеніе. Нѣсколько времени спустя изъ шалаша вышелъ широкоплечій, сутуловатый мужчина средняго роста. Онъ выпрямился во весь ростъ, расправилъ свои усталые, окоченѣвшіе отъ долгаго лежанія члены, зѣвнулъ, встряхнулъ нѣсколько разъ головою, посмотрѣлъ на небо, затѣмъ на лошадей... Животныя, замѣтивъ своего господина, приблизились къ нему. Рыжій мужчина началъ прислушиваться: въ лѣсу все споконно, только и слышны были шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ и журчаніе ручья.

Рыжій человѣкъ былъ полнымъ олицетвореніемъ дикаго обитателя лѣсовъ; густые волосы въ безпорядкѣ длинными прядями падали ему на плечи и на лобъ такъ низко, что, казалось, глаза его прямо подъ ними горѣли. Почти все лицо рыжаго мужчины было покрыто волосами, едва только небольшія, выдающіяся части щекъ, горячія румянцемъ, лишены были этого лѣса рыжихъ прядей. Суконная, шерстяная одежда покрывала его тѣло. Не изящное, даже грубое одѣяніе это, коричневаго цвѣта, у самой шеи было застегнуто на пуговицу и петлю. Ноги были обернуты сукномъ и кожей, а ступни ногъ тщательно повязаны толстою веревкою. Изъ короткихъ рукавовъ одежды выходили наружу сильныя, загорѣлыя руки, покрытыя волосами. Лицо этого дикаря выражало полу-животную полу-человѣческую хитрость, а глаза—дерзость съ одной, крайнюю осторожность съ другой стороны; они безокойно перебѣгали съ одного предмета на другой, не будучи въ состояніи остановиться на одномъ мѣстѣ... Тѣлодвиженія, показывающія, что, кромѣ хитрости и осторожности, обладатель этихъ качествъ не лишентъ богатырской силы, не позволяли судить о его лѣтахъ, до того были ловки и граціозны его движенія, а вѣдь годы его молодости давно миновали.

Дикарь постоялъ нѣсколько минутъ, осмотрѣлъ внимательно окрестность и возвратился къ шалашу. Не говоря ни слова, онъ ударилъ ногою въ стѣну шалаша, такъ что всѣ вѣтви зашатались на своеобразной крышѣ хрупкаго сооруженія. Въ ту же минуту, какъ бы въ отвѣтъ на ударъ, въ шалашѣ началось суетливое движеніе и вскорѣ изъ него не то вышелъ, не то выползъ молодой парень и бодро посмотрѣлъ на своего владыку... Ему не было больше пятнадцати лѣтъ; довольно высокаго роста, онъ во всемъ былъ похожъ на рыжаго. Лицо его еще не успѣло покрыться волосами, голова коротко острижена, самая простая изношенная одежда, состоящая изъ кусковъ сукна и подолтиныхъ лохмотьевъ,—вотъ всѣ его доспѣхи. Мальчикъ еще не успѣлъ протереть глазъ руками, какъ хриплый голосъ старшаго, на языкѣ чуждомъ и непонятномъ обитателямъ этой земли, на которой остановились путешественники, обратился къ нему:

— Герда, лошадей! Солнце ужъ высоко...

Въ отвѣтъ на это приказаніе, за которымъ послѣдовалъ легкій ударъ по плечу отрока, этотъ послѣдній подбѣжалъ къ лошадямъ, развязалъ веревки, ловкимъ движеніемъ вскочилъ на одну изъ нихъ и подвелъ ихъ къ мѣсту, гдѣ кусокъ песчаного сухого берега позволялъ подойти къ рѣкѣ. На песокъ виднѣлись слѣды копытъ прежде здѣсь утолявшихъ жажду лошадей... Животныя усердно стали пить воду. Отрокъ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, зѣвалъ, искоса поглядывая на своего рыжаго владыку, который суетился около шалаша, ворча что-то подъ носъ. Не утренняя ли это молитва?...

Напоивъ лошадей, которыя, поднявъ головы и точно прислушиваясь къ шуму деревьевъ, задумались на минуту, — парень веревкою погналъ ихъ въ сторону шалаша. Здѣсь рыжій приготовилъ ужъ сумки и вьюки, перевязанные сукномъ и кожей: оставалось только привязать ихъ къ лошадямъ. Оба, молча, принялись за эту работу. Поверхъ сумокъ наши путешественники наложили куски сукна и кожи. Когда все было готово, старшій вошелъ въ шалашъ и, нѣсколько времени спусти, вышелъ оттуда съ оружіемъ въ рукахъ: онъ держалъ небольшую палку съ воткнутымъ кремнемъ въ разрѣзанномъ верхнемъ ея концѣ. За поясомъ торчалъ у него топоръ, тяжелый какъ молотъ, короткий ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; черезъ плечо висѣлъ деревянный лукъ и праща. Подойдя къ лошади дикарь привязалъ палку съ кремнемъ къ передней части сѣдла. Молодой парень поднялъ съ земли свое оружіе; ножъ и топоръ воткнулъ за поясъ и сѣлъ верхомъ на лошадь... Старшій еще разъ внимательно осмотрѣлъ шалашъ, бросилъ взглядъ на костеръ, не осталось ли что нибудь на землѣ, попробовалъ крѣпко ли привязаны сумки и подвелъ лошадь къ старому пню... Не прошло и минуты, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ. Они были уже совсѣмъ готовы отправиться въ путь и старшій осматривалъ окрестность, выбирая дорогу, когда изъ лѣса, какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ стояли всадники, стараясь остаться незамѣченной и тихонько раздвигая вѣтви орѣшника и калины, высунулась человѣческая голова. Пара свѣтлыхъ глазъ съ любопытствомъ и боязнью стала разсматривать всадниковъ. Изъ-за вѣтвей видны были русые волосы, молодое лицо, едва только начинающее украшаться усами и бородою, и во рту, полуоткрытомъ отъ удивленія, два ряда бѣлыхъ зубовъ.

Рыжій, между тѣмъ, поочередно посматривалъ на солнце и на рѣку... На ея берегахъ, покрытыхъ обильною травою, не было ни одной тропинки, ни одного слѣда какой нибудь дороги. По озабоченнымъ чертамъ его лица легко можно было замѣтить, что онъ не зналъ на что рѣшиться: переплыть ли рѣку, слѣдовать по ея теченію или противъ него? Лошади, нетерпѣливо дожидались минуты отъѣзда. Старшій всадникъ подумалъ еще немного, осмотрѣлъ лугъ, смѣрялъ его глазами, посмотрѣлъ на зыбкое болото, простиравшееся далеко за лугами, на лѣсъ и, наконецъ, подѣхалъ къ тому песчаному берегу, гдѣ поили лошадей. Тутъ они остановились. По всему вѣроятію, дикарь думалъ о томъ, удастся ли имъ перейти въ бродъ рѣку, его глаза скользили по ея поверхности, какъ бы допытываясь у нея глубока ли она въ этомъ мѣстѣ? Въ эту минуту онъ навѣрное замѣтилъ бы голову

слабдившаго за каждымъ ихъ движеніемъ туземца, если бы она не скрылась старательно за густою листвою. Только вѣтви и листья колыхнулись и задрожали. Лошади понемногу начали входить въ воду, которая въ этомъ мѣстѣ не была глубока, а дно рѣки не вязко; онѣ погрузились въ воду, казалось, что поплывутъ, но дно было такъ не глубоко, что онѣ шагомъ прошли по дну... песчаная тропа попала имъ на пути, а тамъ и другой берегъ... Наши всадники, едва дотрогиваясь ногами до поверхности воды, счастливо достигли противоположнаго берега... По этому берегу, болѣе возвышенному и сухому, гораздо удобнѣе можно было продолжать путь. Въ лѣсу, непроходимо густомъ въ этомъ мѣстѣ, что-то странно шелохнулось.. «Испуганный звѣрь», подумалъ рыжій. Никакъ нельзя было подозрѣвать присутствія человѣка въ этомъ мѣстѣ: какъ далеко можно было завидѣть глазомъ, никакого слѣда, кромѣ оставленнаго ими шалаша и костра... Лѣсъ, какъ Богъ его создалъ, гордо возносилъ къ небу свои увѣнчанныя головы: толстые пни лѣсныхъ гигантовъ, въ нижней части лишенные вѣтвей, на верхушкахъ украсились зелеными вѣтвями... То тутъ, то тамъ валялись на землѣ старые лѣсные богатыри, умерщвленные бурей, на половину лишенные коры, на половину покрытые сѣдымъ мхомъ; изрѣдка только попадались молодняки, поломанные вѣтромъ...

Всадники между тѣмъ подвигались впередъ...

Рыжій замѣтилъ что-то бѣлое на холмистомъ возвышеніи: подъ громаднымъ дубомъ, у его подошвы, лежалъ камень, напоминающій большую чашу, на немъ возвышался другой, безформенный и тяжелый... Неопытная рука старалась выдолбить изъ него что-то вродѣ человѣческой головы, покрытой громадною шапкою... Всадники остановились... Рыжій, боязливо оглядываясь по сторонамъ, презрительно улыбнулся и плюнулъ на каменную голову... Въ это самое мгновеніе какой-то странный звукъ—не то визгъ, не то свистъ—раздался въ воздухѣ въ сторонѣ кустовъ и деревянная стрѣла застряла въ одеждѣ старшаго путешественника на самой груди. Онъ, въ нерѣшительности что дѣлать,—приняться за оружіе или бѣжать скорѣе,—повернулъ голову къ своему товарищу, который въ это же мгновеніе вскрикнулъ. Другая стрѣла вонзилась ему въ ногу... А въ лѣсу раздался хохотъ дикій, страшный хохотъ, точно вой звѣря или крикъ дикаря... Захотало что-то, вѣтеръ разнесъ дикіе звуки по лѣсу и все замолкло... Сорока сидѣла на камнѣ на самой верхушкѣ шапки и, поднявъ крылья, кричала, вторя странному хохоту... и металась будто бы и она желала пригрозить человѣку, панесшему обиду этому мертвому камню. Лошади, напуганные этими звуками, прибавили шагу, но врага нигдѣ не было видно и не слышно... Тишина снова воцарилась въ лѣсу, только слышенъ былъ торжественный шумъ деревьевъ...

Старшій всадникъ ѣхалъ впереди, погоняя лошадей; молодой парень, вынувъ стрѣлу изъ ноги, скакалъ за нимъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ... Они проскакали довольно далеко отъ несчастнаго мѣста, но, замѣтивъ, что никто не пустился за ними въ погоню и что опасность миновала—старшій остановился... Онъ теперь только обратилъ вниманіе на

своего товарища, который съ блѣднымъ лицомъ и стиснутыми отъ боли зубами прильнулъ къ лошади. Рыжій такъ былъ озабоченъ, что еще не вынулъ стрѣлы, вонзившейся въ его одежду. Стрѣла пробила сукно и должно быть глубоко засѣла въ груди, потому что не смотря на движенія и скорую ѣзду хотя и наклонилась внизъ, но все еще держалась на мѣстѣ. Только теперь, остановивъ лошадь на полянѣ, раненый обратилъ вниманіе на стрѣлу; онъ выдернулъ ее ловкимъ движеніемъ, поморщился отъ боли, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и вложилъ въ мѣшокъ. Стрѣла оканчивалась коственнымъ остріемъ, на концѣ котораго застыла капля крови.

— Да убьютъ ихъ громъ и буря!.. проворчалъ Рыжій. — Глазъ людской подсматривалъ въ кустахъ и отомстилъ за обиду... Ты въ ногу раненъ, Герда?

Парень не совсѣмъ еще оправился отъ испуга. Онъ блуждающими глазами указывалъ на свою ногу. Герда былъ опаснѣе раненъ, чѣмъ его отецъ, потому что полотно не могло удержать стрѣлы, которая глубоко засѣла въ ногѣ.

— Ну, ничего! Одна полянская стрѣла—это еще не бѣда! проговорилъ старшій. — Они не намазываютъ ихъ ядомъ. Хорошо и то, что ихъ не было много. Видно былъ одинъ разбойникъ. Онъ не посмѣлъ броситься на насъ, завидѣвъ у насъ оружіе... но онъ можетъ призвать своихъ собратьевъ, можетъ надѣлать шуму... Надо бѣжать скорѣе отсюда.

Рыжій посмотрѣлъ на солнце.

— Держись покрѣпче, а лошадь пусти свободно... Теперь мы не можемъ терять времени, а то, чего добраго, нападутъ на насъ въ этомъ лѣсу; нужно пробраться къ знакомымъ. Около полудня мы будемъ на мѣстѣ.

Молодой парень молчалъ, Рыжій проворчалъ невнятно еще какія-то слова, посмотрѣлъ въ сторону лѣса, стегнулъ лошадь веревкою и оба поскакали по берегу рѣки, замѣняющей имъ дорогу. Кругомъ все лѣсъ и лѣсъ, дикій, необитаемый, молчаливый. Гдѣ-то вдали, на поверхности воды, показалась человѣческая голова, покрытая темными, прилипшими къ ней волосами и пара гребущихъ рукъ около нея. Но какъ только до ея ушей долетѣли звуки лошадиного топота, голова исчезла, оставивъ слѣдъ на поверхности воды. Наши всадники проѣхали мимо... Голова снова показалась... теперь на черныхъ ея волосахъ легко можно было замѣтить вѣнокъ цвѣтовъ... Глаза ея пристально слѣдили за всадниками... Нѣсколько дальше крошечная лодка, точно орѣховая скорлупа скользила по рѣкѣ, направляясь по ея теченію; надъ нею въ видѣ паруса вѣтеръ развѣвалъ бѣлый платокъ... По мѣрѣ приближенія всадниковъ бѣлое полотно по немногу исчезало и, наконецъ, очутилось на днѣ лодки, которая, точно змѣя, скользнула въ камышъ и однѣ только колеблющіяся верхушки камыша указывали на ея присутствіе... Нѣсколько дикихъ утокъ, испуганныхъ неожиданнымъ посѣтителемъ, вылетѣло изъ тростника; гдѣ-то вдали что-то плеснуло и упало.

Наши всадники безостановочно подвигались впередъ по берегу рѣки. Изнуренныя лошади два раза пили воду и продолжали свой путь, нигдѣ не останавливаясь. Солнце поднималось все выше и выше; воздухъ становился

все теплѣе. Въ лѣсу было свѣжо и прохладно, но со стороны луговъ и песковъ дулъ горячій вѣтеръ. Наши всадники какъ ни старались перенестись въ другую мѣстность, оставить злополучный лѣсъ и выѣхать на открытое мѣсто — окрестность оставалась убійственно однообразною, лѣсъ пѣлъ все ту же пѣсню надъ рѣкою, только взрѣдка среди песка попадалось небольшое озеро — шире становилась рѣка; иногда она суживалась, когда ея воды протекали по дну глубокаго оврага. Мѣнялись однѣ деревья: сосны и ели, зеленныя березы, липы, осины и дубы полусонныя, не отзывчивыя на привѣтливую улыбку весны... Иногда всадникамъ приходилось объѣзжать тряское болото. Время отъ времени пугливый заяцъ бѣжалъ въ лѣсъ, увидѣвъ приближающихся, никогда невидѣнныхъ имъ людей; почти изъ подъ лошадиныхъ копытъ подымались стаи птицъ, а на лугахъ, встревоженные топотомъ, цѣлыя стада оленей бѣжали въ сторону лѣса, останавливались у самой опушки, смотрѣли вслѣдъ всадникамъ и пускались бѣжать, исчезая изъ глазъ. Трескъ ломающихся вѣтвей пугалъ лошадей и онѣ скакали безъ усталости все дальше и дальше... пока силъ хватило. Герда время отъ времени хваталась рукою за раненую ногу. Кровь точно теплая веревка висѣла вдоль ноги до самой подошвы, собиралась въ кожаномъ башмакѣ и красныя капли, просачиваясь сквозь подошву, падали на землю. Но онъ не посмѣлъ жаловаться, а для того, чтобы задержать кровь и перевязать рану, не было времени... У Рыжаго между пальцами правой руки показались капли крови, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Обтеревъ кровь гривой лошади, Рыжій не думалъ о ней больше. Онъ все внимательнѣе оглядывался по сторонамъ; по всему было видно, что онъ здѣсь не первый разъ. Рыжій отыскивалъ глазами удобное мѣсто для отдыха... Но не скоро всадники убавили шагъ.

Въ одномъ мѣстѣ рѣка протекала по низменной равнинѣ и широко разливалась свои воды среди болотъ, покрытыхъ свѣжею зеленью. Съ верхушки холма, на которомъ остановились Рыжій съ сыномъ, видны были луга и тростники, множество маленькихъ озеръ, опоясанныхъ зелеными кустами... Нѣсколько лѣсныхъ ручейковъ въ этомъ мѣстѣ соединялось съ рѣкою. Лѣсъ на довольно значительномъ пространствѣ не имѣлъ ни одного дерева: пожаръ истребилъ все живущее — остались одни только сухіе пни... Кустарникъ былъ такъ хилъ, что лѣсъ насквозь просвѣчивалъ и на далекомъ разстояніи легко было видѣть каждого, кому вздумалось бы приблизиться къ этому мѣсту. Здѣсь старшій всадникъ соскочилъ съ лошади, бросилъ поводья и легъ на песокъ, вытирая обѣими руками обильный потъ, покрывавшій его лицо и лобъ. Онъ былъ изнуренъ до крайности, грудь его высоко подымалась... Рыжій окровавленными руками дотронулся до своего лица и оно все покрылось кровавыми пятнами. Замѣтивъ это, Герда вскрикнула.

— Что съ тобою, Герда? развѣ ты не мужчина? Или мать твоя ошиблась, что одѣла тебя не въ юбку? Одна капля крови, а столько шуму и крику?!

— Не о своей я забочусь, сказалъ Герда, указывая на лицо отца; — правда, крови полонъ башмакъ, но это пустяки! Твое лицо, отецъ, все въ крови.

Старшій посмотрѣлъ на свои руки, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Герда между тѣмъ сѣлъ на землю, снялъ башмакъ и принялся чистить его; затѣмъ вытеръ рану и приложилъ къ ней влажные листья. Старшій равнодушно смотрѣлъ на своего сына. Отдохнувъ немного, Рыжій вынулъ изъ сумки сушеное мясо и лепешки и разложилъ ихъ на землѣ. Прежде, чѣмъ приняться за ѣду, онъ подошелъ къ рѣкѣ, вымылъ лицо и всполоснулъ ротъ. Герда, слѣдуя его примѣру, также подошелъ къ рѣкѣ... Затѣмъ они молча начали подкрѣплять свои силы... Лошади щипали тощую траву.

Изъ лѣса вылетѣла сорока и сѣла на сухой вѣтви прямо надъ головою старшаго, наклонилась къ нему и начала кричать... Казалось, она разсердилась на чужихъ, махала крыльями, опускалась все ниже и кричала, какъ угорѣлая, какъ бы желая своимъ крикомъ созвать своихъ товарокъ... Къ ней прилетѣла другая, затѣмъ третья... и, все громче крича, подлетали къ отдыхающимъ людямъ или садились тутъ же около нихъ на землѣ. Рыжій, котораго одолѣвалъ сонъ, выведенный изъ терпѣнія, натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу. Стрѣла пронзила воздухъ, но ни одной птицы не ранила: всѣ онѣ съ крикомъ и шумомъ повертѣлись въ воздухъ, а затѣмъ усѣлись на прежнія мѣста прямо надъ головою посягателя на ихъ жизнь... Герда, подперевъ руками голову, смотрѣлъ за лошадьми. Лѣсъ притихъ, небо, точно синее зеркало, было ясно и прозрачно; насѣкомыя, вызванныя къ жизни лучами солнца, жужжа и кружась, роились въ воздухѣ.

Послѣ короткаго отдыха наши путешественники снова сѣли на лошадей... Отецъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Обо всемъ, что случилось, о стрѣлахъ, о крови, не болтай тамъ... Лучше всего ничего не говори: притворись нѣмымъ.. Они насъ „нѣмцами“ называютъ, хотя мы понимаемъ ихъ языкъ. Прислушивайся ко всему, что будутъ говорить—это всегда можетъ пригодиться, но дѣлай видъ, что ни слова не понимаешь... Лучше помолчать...

Отецъ посмотрѣлъ на Герду, дожидаясь отвѣта. Герда молча наклонилъ голову.

Всадники безъ усталости подвигались впередъ. Солнце начинало клониться къ закату. Высокій берегъ рѣки становился все ниже, воздухъ прохладнѣе. Лѣсъ бросилъ длинную тѣнь на рѣку... Нѣсколько времени спустя, вдали, надъ мелкими кустами, показался столбъ дыма... Старшій, замѣтивъ это, вздрогнулъ: — радость это или опасеніе? юноша тоже всматривался въ этотъ завѣтный столбъ дыма. Лошади шли все тише.

Старшій лѣсъ, высокій и густой, опоясывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ; прибрежный лугъ становился все уже, рѣка сдавливалась среди оврага... Съ правой стороны лѣсъ круто обрывался: глазамъ всадниковъ представился большой лугъ, окруженный изгородью изъ простыхъ кольевъ... Сейчасъ за нимъ изъ какихъ-то палашей и своеобразныхъ избъ, сколоченныхъ изъ срубовъ и валежника и окруженныхъ высокимъ заборомъ—подымался видѣнный ими синій столбъ дыма... Хижины были расположены у самого берега рѣки и образовывали замкнутый со всѣхъ сторонъ прямоугольникъ. Со стороны

Старшій попробовалъ крѣпко-ли привязаны сумки.

луга онѣ были окружены рядомъ иней и деревянныхъ столбовъ, между которыми находились глубокія ямы. На одномъ изъ столбовъ висѣлъ выбѣленный дождемъ и лучами солнца лошадиный черепъ. Крыши были покрыты кусками дерева, корою и вѣтвями; стѣны изъ срубовъ или изъ хвороста, плетеного въ видѣ столбовъ. Въ самой срединѣ прямоугольника возвышалась хижина, построенная изъ деревянныхъ колодъ; къ ней примыкали сарай, образуя въ срединѣ небольшой дворикъ.

Всадники все приближались къ этимъ строеніямъ.

Старшій оставилъ лошадь: онъ оглядывался по сторонамъ, желая увидѣть кого нибудь изъ жителей этихъ хижинъ. Никто, однако, не выходилъ. Рыжій задумался. Въ нерѣшительности что дѣлать, онъ простоялъ бы болѣе продолжительное время, если бы не увидѣлъ старика, сидѣвшаго вблизи строеній на камнѣ. Старикъ, до тѣхъ поръ незамѣченный Рыжимъ, внимательно слѣдилъ за всадниками съ того времени, когда они выѣхали изъ лѣса. Весь въ бѣломъ, съ босыми ногами и открытою сѣдою, какъ серебро, головою, старикъ держалъ въ рукахъ бѣлую большую палку. Длинная, какъ снѣгъ бѣлая, борода закрывала ему грудь. Рубаха, перевязанная краснымъ кушакомъ, спускавшаяся почти до самой земли, составляла всю его одежду. У него не было никакого оружія, а красный кушакъ составлялъ единственное украшеніе. У ногъ сѣдого старца лежали двѣ собаки, похожія съ виду на волковъ: онѣ припали къ землѣ, наострили уши, слѣдя за каждымъ движеніемъ всадниковъ кровавыми глазами... Собаки дрожали, дожидаясь приказанія своего господина броситься на чужихъ.

Умное и спокойное лицо старика, загорѣлое отъ солнца, казалось покрытымъ сѣтью маленькихъ морщинокъ. Надъ его сѣрыми глазами ежились два куста бѣлыхъ волосъ. Сухую его шею, ничѣмъ не покрытую, со всѣхъ сторонъ обнимали толстыя жилы, точно подкожныя змѣи.

Въ ту минуту, когда путешественники замѣтили старика, этотъ послѣдній громко крикнулъ на собакъ, поднялъ палку вверхъ и указалъ имъ калитку въ заборѣ. Собаки отошли въ сторону. Всадники остановились.

— Поклонъ тебѣ, старшій Вишъ, сказалъ Рыжій, не соскакивая съ лошади и едва наклоняя голову; — поклонъ тебѣ! Отгони собакъ, а то онѣ, чего добраго, разорвутъ насъ... а мы вѣдь старые знакомые и добрые друзья, хоть и не свои люди, но не враги.

Старшій всадникъ говорилъ медленно на ломаномъ языкѣ прилабскихъ сербовъ, стараясь придать всей своей фигурѣ привѣтливое выраженіе.

Старикъ долго смотрѣлъ на пришельцевъ, не отвѣчая на привѣтъ. Собаки ворчали и выказывали ряды бѣлыхъ зубовъ, угрожая ими двумъ незнакомцамъ: старикъ крикнулъ на нихъ, чтобъ онѣ убирались вонъ, но собаки подкрадывались все ближе къ всадникамъ... Старикъ ударилъ въ ладони: изъ-за забора показалась голова молодого парня съ коротко остриженными волосами, который призвалъ собакъ, вогналъ ихъ во дворъ и затворилъ ворота... Долго еще послѣ этого собаки выли и лаяли въ сараѣ.

— Будь здоровъ, Хенго. Что тебя снова занесло въ наши лѣса? сказалъ хозяинъ.

Хенго (Рыжій) соскочилъ съ лошади, поводья отдалъ сыну, который сидѣлъ еще верхомъ и приблизился къ старцу.

— Да такъ; странствуетъ человѣкъ по свѣту — любопытство беретъ узнать, какъ другіе люди живутъ, ну и ѣдешь, отвѣчалъ Хенго; — да притомъ, быть можетъ, обмѣняемся чѣмъ нибудь. Лучше мирно мѣнять то, чего у однихъ слишкомъ много, а у другихъ недохватъ, чѣмъ съ оружіемъ нападать и вырывать насильно, да вдобавокъ и съ жизнью вмѣстѣ. Я, ты знаешь, человѣкъ смирный, снабжаю всѣмъ, что есть у меня, лишь бы жить да проживать.

Старикъ призадумался.

— Немного найдешь у насъ для обмѣна... У васъ, у самихъ, довольно кожъ и мѣховъ, а янтарь не водится у насъ въ излѣшкѣ. Да мы и не особенно привыкли къ тому, что вы возите — своего у насъ довольно... Костяная игла шьетъ точно такъ же, какъ и желѣзная.

Вишъ смотрѣлъ въ землю: онъ казался недовольнымъ прїѣздомъ «нѣмца».

— А все же пригодятся и мои товары, проговорилъ Хенго. — Откуда же, если не отъ насъ, было бы у васъ все, что дѣлается изъ метала... Вишеда далеко...

— А развѣ мало у насъ костей, роговъ, да камней? спросилъ Вишъ, вздыхая. — Было время, — славное времячко, — когда люди только этимъ довольствовались и ни въ чемъ однако не терпѣли недостатка... Когда вы да другіе стали привозить къ намъ разныя блестящія бездѣлки — женщины изъ рукъ вонъ выбились... Имъ теперь только и подавай блестящія зерна на шею, да гладенькія иглы и пуговицы и всѣ ваши игрушки... Безъ нихъ теперь ни одна шагу не сдѣлается... Это бы еще ничего, продолжалъ старикъ, все смотрѣвшій въ землю, изрѣдка только поглядывая на рыжаго собесѣдника, — но вы... вы узнаете всѣ дороги, которыя ведутъ въ нашу землю, наши тайны вывозите къ своимъ... и когда нибудь врагъ можетъ прїѣхать оттуда, откуда пришли игрушки и бездѣлки.

Хенго едва улынулся, окидывая бѣглымъ взглядомъ стараго Виша.

— Напрасно боишься, сказалъ онъ въ отвѣтъ, — никто и не думаетъ нападать на васъ... Я не затѣмъ вожу товары, чтобы высматривать что у другихъ дѣлается, а просто свое хотѣлось бы промѣнивать. Ты знаешь меня — не первый разъ я въ гостяхъ у стараго Виша... Я вашъ другъ.. У меня жена изъ вашихъ... отъ нея вотъ этотъ парень, который хотя и не понимаетъ вашего языка, но все же въ его жилахъ течетъ и ваша кровь.

Вишъ, присѣвъ на камнѣ и указавъ другой рукою Рыжему, покачалъ головою, не отвѣчая ни слова.

— Жена у тебя сербка отъ Лабы, сказалъ Вишъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Ты мнѣ какъ-то говорилъ уже объ этомъ. Но какимъ путемъ ты ее досталъ? А? Не по доброй ея волѣ, надѣюсь?

Хенго захохоталъ.

— Не молодъ ты, отвѣчалъ онъ, — не стану тебѣ лгать. А слыханное ли дѣло, чтобы у женщинъ спрашивать ихъ согласія? Гдѣ же берутъ женщину въ жены иначе, какъ не съ оружіемъ въ рукахъ? Такъ ужъ заведено у васъ, у насъ и по всему свѣту... Онѣ вѣдь не разсуждаютъ.

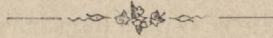
— Не всегда и не вездѣ, замѣтилъ старикъ. — Молодымъ воли не даютъ — это правда, но старыхъ женщинъ у насъ уважаютъ. Положимъ, ума за ними не признаютъ, но вѣдь духи часто говорятъ посредствомъ женщинъ и знаютъ онѣ больше насъ... эти — наши вѣдьмы.

Вишъ вздохнулъ; оба помолчали.

— Позволь переночевать у тебя, сказалъ Хенго. — Что есть у меня въ сумахъ покажу... Захочешь взять что нибудь — ладно, а нѣтъ, не будемъ ссориться.

— За ночлегомъ дѣло не станетъ, объ этомъ и просить не нужно, сказалъ Вишъ, вставая. — Кто разъ ночевалъ подъ нашимъ кровомъ, всегда имѣетъ право отдохнуть у насъ. Мы тебѣ рады. Калачъ, пиво да мясо есть; бабы начали уже варку... Пойдемъ.

Вишъ направился къ воротамъ; за нимъ слѣдовалъ Хенго.

ГЛАВА II.

ъ то время, когда старый Вишъ разговаривалъ съ человѣкомъ, прибывшимъ изъ страны „нѣмхъ“, непонимающихъ языка обитателей этой земли, изъ-за изгородей и заборовъ множество головъ смотрѣло на нихъ съ любопытствомъ. Очень рѣдко случалось, чтобы чужой человѣкъ сумѣлъ пробраться въ такую лѣсную глушь. Вотъ почему, когда показались чужіе люди и лошади, а работникъ запиралъ собакъ въ сарай, чтобы тѣ не бросились на чужихъ, всѣ, у кого только были глаза, бѣжали къ заборамъ, чтобы хотя въ щель, издали, посмотрѣть на чужихъ.

За изгородью видѣлись бѣлые платки замужнихъ женщинъ, украшенные зелеными вѣнками головы дѣвушекъ, длинные волосы мужчинъ, коротко стриженные головы батраковъ и дѣтскіе съ испугомъ вытаращенные глаза среди бѣлокурыхъ густыхъ кудрей, путавшихся на ихъ головкахъ. Дѣти старались подняться какъ можно выше; чтобы лучше видѣть, они взбирались на камни, смотрѣли въ щели, убѣгали и снова возвращались къ забору... Даже старыя бабы высовывали свои дрожащія головы между кольями забора, а такъ какъ онѣ опасались „чужого“, то вырывали траву, подымали комки земли и плевали въ сторону Хенго, бросая на воздухъ землю и траву — вѣрное средство защитить себя отъ его злыхъ глазъ.

Жена Виша, по имени Яга, увидѣвъ, что мужъ ея ведетъ нѣмца къ воротамъ, вышла имъ на встрѣчу и, закрывая ротъ платкомъ, всѣми силами старалась дать ему понять, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ. Вишъ и Хенго дошли ужъ до воротъ, которые начали отворять передъ ними, когда Яга подошла къ мужу, не обращавшему вниманія на ея жесты.

— Зачѣмъ это ты ведешь въ домъ чужого нѣмца? сказала она мужу шопотомъ.—Можно ли знать, что онъ несетъ съ собою? Онъ можетъ сглазить насъ всѣхъ!

— Это тотъ самый Хенго,—живетъ надъ Лабою,—который привозилъ къ намъ ожерелья, иглы и ножи... Тогда вѣдь ничего не случилось? Нечего его бояться, потому что кто гонится за барышами, тому не до колдованія.

— Не хорошо ты говоришь, мой старій, отвѣчала жена; — эти люди хуже тѣхъ, которые нападаютъ съ ножами и палицами въ рукахъ. Но быть твоей волѣ, а не моей...

Яга быстро отошла, не оглядываясь на нихъ, и почти бѣгомъ направилась къ избѣ, выстроенной по срединѣ двора. А такъ какъ она дала знать рукою женщинамъ, пріютившимся въ разныхъ углахъ двора, то всѣ онѣ разбѣжались и попрятались въ избыхъ. Только работники и двое сыновей хозяина остались на дворѣ.

Хенго вошелъ въ ворота, онъ старался имѣть бодрый видъ, хотя съ боязнью оглядывался по сторонамъ. Герда верхомъ вѣхалъ во дворъ, ведя за собою другую лошадь. Работники собрались въ кучку и, перешептываясь между собою, съ любопытствомъ смотрѣли на нѣмцевъ.

Вишъ ввелъ ихъ въ свѣтлицу.

Хижина Виша находилась въ самой срединѣ двора. Выстроенная изъ срубовъ, законопаченная слоями мха, хижина Виша была выше и просторнѣе остальныхъ. Двери съ высокимъ порогомъ, ведущія въ нее, были безъ замка, потому что здѣсь никто ничего не запиралъ. Изъ сѣней, по лѣвой сторонѣ, большая изба; ея глиняный полъ былъ усыпанъ свѣжей зеленью; въ глубинѣ громадная печь изъ камней, на которой огня никогда не гасили. Дымъ выходилъ черезъ неплотно пристающія доски на крышѣ. Стѣны, потолокъ и все находящееся вблизи печки было покрыто толстымъ слоемъ саж, блестящей какъ стекло. У стѣнъ стояли простыя скамьи... Въ углу огромный столъ, а за нимъ большая миса для приготовленія тѣста, покрытая кускомъ бѣлаго полотна... Надъ нею висѣли засохшіе вѣнки и пучки разнаго зелья.

На столѣ, на которомъ красовалась полотняная скатерть, вышитая цвѣтными нитками, лежали наръзанные куски хлѣба и небольшой ножъ. У входа, при дверяхъ помѣщалось ведро съ водою, тутъ же былъ и черпакъ. Въ углу стояли небольшіе жернова и нѣсколько длинныхъ палокъ, на которыхъ висѣло полотно.

Небольшое окошко, съ внутренней стороны закрываемое ставней, въ эту минуту было открыто, пропуская въ избу столько свѣта, сколько было необходимо для ея освѣщенія. Когда Вишъ и Хенго переступили черезъ порогъ, старикъ протянулъ руку гостю и, кланяясь ему, проговорилъ:

— Вотъ хлѣбъ, вотъ вода, огонь и скамья, ѣшь и пей, согрѣйся, отдохни, и добрые духи да пребываютъ съ тобою!

Хенго неловко поклонился въ отвѣтъ.

— Да будетъ благословленъ этотъ домъ! проговорилъ онъ съ усиліемъ послѣ минутнаго молчанія,—да болѣзни и печали не переступаютъ черезъ его порогъ!

Затѣмъ Хенго присѣлъ на скамью, а Вишъ, взявъ кусокъ хлѣба со стола, разломалъ его на двѣ части: одну съѣлъ самъ, а другую далъ Хенго, который сдѣлалъ тоже.

Это продолжалось не долго... гость былъ торжественно принятъ, а тѣмъ самымъ приобрѣлъ нѣкоторыя права. Женщины не показывались, но Хенго былъ глубоко убѣжденъ, что онѣ смотрѣли черезъ щели на „нѣмца“ такъ какъ до его ушей долетали звуки сдерживаемаго хохота и женскіе голоса.

— Ну, теперь, проговорилъ Хенго,—когда ты меня такъ гостепріимно принялъ, пока еще свѣтло, я покажу тебѣ, что привезъ съ собою... Ты убѣдишься, что обмана никакого тутъ нѣтъ... а есть на что посмотреть!

Старикъ не отвѣчалъ. Хенго, не дожидаясь отвѣта, направился къ двери; одинъ изъ работниковъ повелъ его въ сарай, гдѣ уже стояли лошади и Герда.

Герда отдыхалъ, сиди на колодѣ, и внимательно оглядывался по сторонамъ. Сумки лежали около него на землѣ. Хенго взялъ въ руки одну изъ нихъ и ловкимъ движеніемъ положилъ себѣ на плечи, какъ бы избѣгая чужой помощи или желая выказать свою силу. Смотря на легкую поступь Хенго, всѣ были убѣждены, что сумки чрезвычайно легки. Немного наклонившись въ дверяхъ, Хенго вошелъ въ избу и здѣсь, у самаго окна, на широкой скамѣ началъ развязывать веревки. Мужчины окружили его со всѣхъ сторонъ. Нѣмецъ, развязавъ веревки, открылъ обѣ сумки и, отыскавъ глазами Виша, просилъ его подойти ближе.

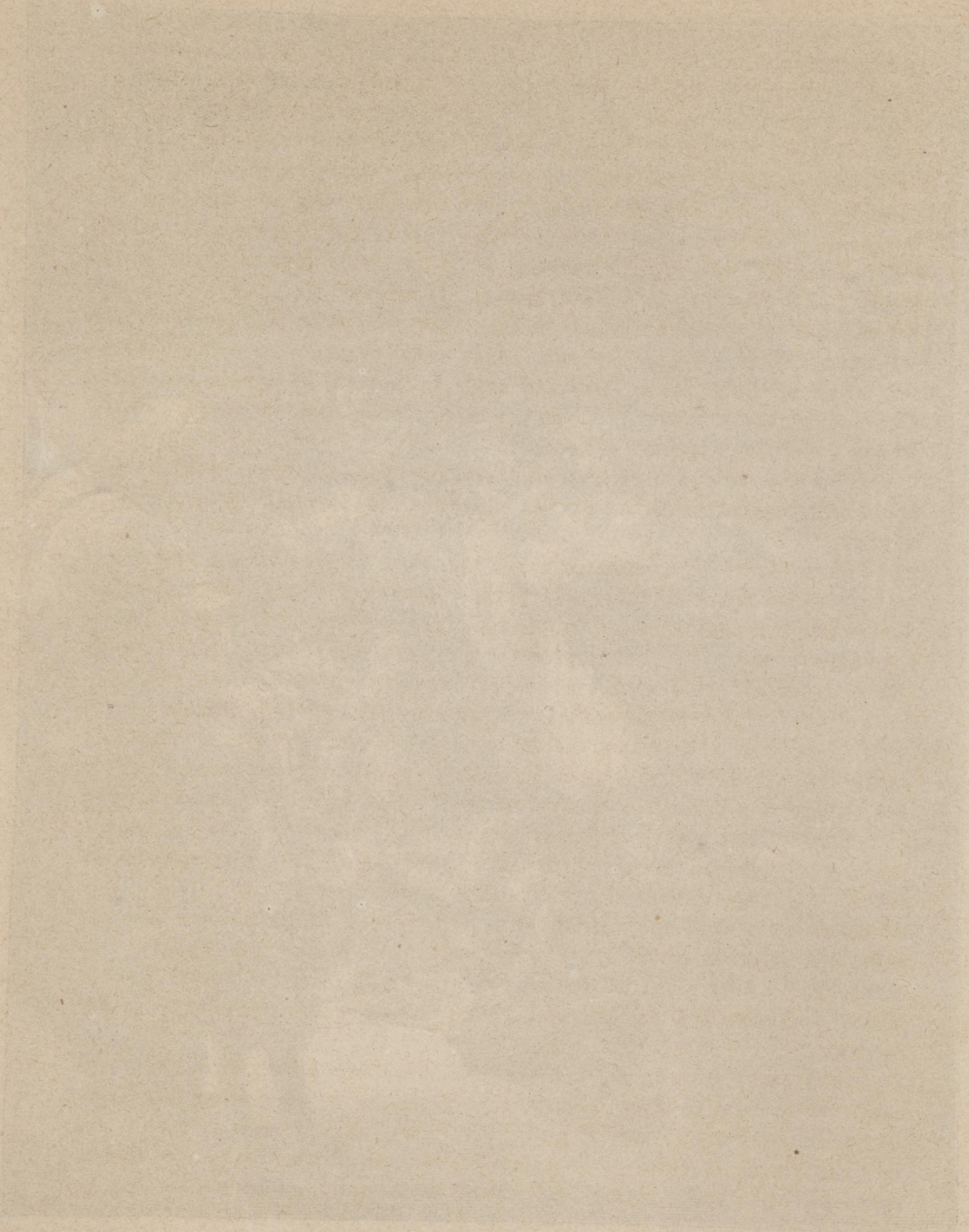
— Ну что жъ это? Одни только мужчины, сказалъ онъ,—а женщинамъ и глазъ потѣшить не позволяютъ? Я не молодъ, меня нечего бояться или стыдиться.

Вишъ самъ не зналъ, что дѣлать, показать женщинамъ нѣмецкія игрушки или же не допускать ихъ къ нѣмцу?... Послѣ минутнаго колебанія онъ далъ знакъ рукою и самъ подошелъ къ двери, ведущей въ сосѣдную избу. Здѣсь старая Яга стояла на часахъ, закрывая собою двери, но о ея угрозахъ и опасеніяхъ всѣ забыли, когда старый Вишъ далъ полную свободу женщинамъ посмотреть нѣмецкій товаръ. Всѣ онѣ бросились къ сумкамъ нѣмца. Любопытство заставило ихъ войти въ избу, а боязнь удерживала. Первая дѣвушка, которая посмотрѣла рыжему нѣмцу въ глаза, вскрикнула и убѣжала; за нею точно напуганное стадо бросились и другія. Смѣхъ, говоръ и сердитый голосъ Яги раздавались въ избѣ.

Хенго, между тѣмъ, стоя на колѣняхъ, вынималъ изъ сумокъ разныя вещи и время отъ времени поглядывалъ въ сторону женщинъ. Глаза его внимательно слѣдили за всѣми присутствующими въ избѣ, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что кромѣ товара ничто его не занимаетъ. Дѣвки, какъ вода въ озерѣ, то приближались къ нѣмцу, то удалялись отъ него; онѣ, бѣдняжки, не знали, какъ имъ поступать; сюда влекло ихъ любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ пугали угрозы старухи Яги. Нѣмецъ, котораго зоркіе глаза всего больше пугали дѣвокъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ всего происходившаго за его спиною, и продолжалъ раскладывать свой товаръ на скамѣ.

— Это лучше всѣхъ вашихъ старыхъ костей и камней, сказалъ Хенго (стр. 19).

2000
12000

А товару было много: на скамьѣ блестѣли длинныя иглы съ особенными застежками для платковъ, такъ ловко выдѣланныя изъ какого-то свѣтлаго металла, какъ будто были сплетены изъ льна или шерсти. Нѣкоторыя были снабжены большими пуговками, другія походили на завядшія стебли цвѣтовъ. Выборъ громаднѣй. Тутъ же лежали металлическія ожерелья съ блестками, колечками и крошечными колокольчиками. Хенго прикладывалъ ихъ къ шеѣ, не говоря ни слова, желая этимъ показать, что на сукнѣ онѣ еще лучше кажутся. Нѣкоторыя ожерелья были похожи на дѣвичьи косы, другія совсѣмъ гладкія, изъ твердаго металла, могли защитить шею отъ стрѣлы или удара. Между прочимъ на скамьѣ лежали украшенія для дѣвицъ: на длинной веревкѣ цѣлый пукъ острыхъ металлическихъ шиповъ. Веревки были разной длины, были и такія, которыя, точно змѣи, вились около руки отъ кисти до плеча. Были и для мужчинъ такія же кольца, но только изъ болѣе твердаго металла и длиннѣе. Колецъ у Хенго тоже былъ большой выборъ: бѣлыя и желтыя, плетенныя и простыя.

Мужчины осматривали топоры, длинные ножи, долота, металлическіе круги для накладыванія на плечи, которыхъ не можетъ пробить стрѣла и ножъ.

Когда Хенго началъ выкладывать эти круги на скамью, молодые парни съ жадностью бросились на нихъ: глаза у мужчинъ сверкали, руки дрожали. Даже старый Вишъ подошелъ къ скамьѣ. Хенго вынулъ изъ ноженъ острый блестящій ножъ съ красивою рукоятію и подалъ его Вишу. Старый улыбнулся, взявъ въ руки оружіе, которое сверкало на солнцѣ.

— Это лучше всѣхъ вашихъ старыхъ костей и камней, сказалъ Хенго, смѣясь, — долѣе прослужить, лучше защитить, да и внучатамъ останется въ наслѣдство. Человѣка ли, дикаго ли звѣря, — лишь бы рука сильна, — навѣрное побѣдитъ; а дома, кто умѣетъ съ нимъ обращаться, ко всему пригодно.

Когда Хенго говорилъ съ мужчинами, показывая имъ острый мечъ и всѣ его достоинства, женщины понемногу, одна за другою, приблизились къ скамьѣ и пожирали глазами кольца, иглы и металлическіе шипы. Хенго посмотрѣлъ на нихъ. Всѣ были одѣты въ полотнянныя бѣлыя юбки и такія же рубахи, а все-таки среди всѣхъ хозяйскихъ служанокъ и работницъ очень легко было узнать двухъ невѣстокъ и двухъ дочерей стараго Виша. Зеленые вѣнки украшали ихъ головы. Нѣсколько проще одѣтыя служанки стояли за ними.

Изъ двухъ дочерей та, которая стояла впереди всѣхъ, была такъ красива, что и среди самыхъ прелестныхъ женщинъ могла бы занять первое мѣсто. Лицо ея было бѣлое и менѣе загорѣлое, чѣмъ у сестры: видно, она не была охотницей бѣгать по полямъ, а больше сидѣла дома за ткацкимъ станкомъ. Красавица широко открытыми большими голубыми глазами смотрѣла то на кольца и другія блестящія бездѣлки, то на чужестранца, бросая по временамъ тревожные взгляды на своихъ сестеръ и братьевъ. Но она не приходила въ восторгъ отъ этихъ игрушекъ. Со сложенными на груди руками, она смѣлѣе всѣхъ заглядывала рыжему нѣмцу въ его бѣгающіе глазки. На

бѣлой рубахѣ, на груди красавицы, красовались янтарныя бусы, къ которымъ были примѣшаны куски синяго и краснаго вещества, имѣвшія форму большихъ зеренъ. На волосахъ весело зеленѣлъ свѣжій вѣнокъ. На лицахъ другихъ женщинъ блуждали веселыя дѣтскія улыбки, ея лицо было печально, а глаза смотрѣли задумчиво. Среди другихъ она казалась владычицею.

Хенго нѣсколько разъ бросалъ взглядъ на нее. Красавица, покраснѣвши, отошла въ сторону, но, оправившись немного, опять возвратилась на прежнее мѣсто. Нѣмецъ взялъ со скамьи большое кольцо и, поддержавъ немного у самаго окна, чтобы всѣ могли замѣтить его достоинства, подалъ красавицѣ.

— Вотъ гостинецъ за гостепріимство, сказалъ онъ, обращаясь къ дочери Виша, которая, немного смутившись, гордо посмотрѣла на нѣмца и отошла въ сторону.

— Прими его, онъ тебѣ принесетъ счастье, уговаривалъ Хенго.

Не отвѣчая ни слова, не протягивая руки за кольцомъ, дочь Виша оставила свое мѣсто и спряталась за другими. Отецъ посмотрѣлъ на нее, красавица встряхнула головою. Хенго предложилъ кольцо второй дочери Виша, которая, улыбаясь и покраснѣвъ до ушей, протянула къ нему руку, закрытую передникомъ, и съ радостью приняла подарокъ. Сейчасъ же женщины и работники окружили ее, желая разсмотрѣть это чудо... Они бросились съ кольцомъ въ сосѣднюю избу—къ матери... Слышенъ былъ шопотъ, сердитое ворчанье, но вскорѣ получившая подарокъ вышла оттуда съ завернутымъ въ самый кончикъ передника кускомъ янтара. Она посмотрѣла въ глаза отцу, который кивнулъ головою, и кусокъ темнаго янтара положила на скамью.

— Возьми это! сказалъ Вишъ,—намъ не слѣдуетъ брать подарковъ за ночлегъ!

Хенго улыбнулся, внимательно осмотрѣлъ янтарь и опустил его въ небольшой мѣшокъ, привязанный къ кушаку подъ верхнею одеждою. Одна-кожъ, прежде, чѣмъ положить его туда, нѣмецъ плюнулъ на него такъ ловко, что никто этого не замѣтилъ,—Хенго боялся, что янтарь заколдованъ.

Вишъ стоялъ молчаливый и угрюмый, положивъ мечъ на скамью... Мужчины шептались между собою, любуясь на топоры и ножи... По ихъ глазамъ видно было какъ охотно взяли бы они эти сокровища, но хозяинъ все еще молчалъ, а безъ его вѣдома и согласія въ этомъ домѣ ничего не дѣлалось. Онъ былъ главою и господиномъ; никто здѣсь не смѣлъ имѣть своей воли. Хенго, разложивъ все, что у него было, на скамьѣ и на полу, смотрѣлъ съ гордостью на окружающихъ.

Женщины вышли, одни только мужчины остались въ избѣ... всѣ молчали: вдругъ глаза старика увидѣли что-то такое на скамьѣ, чего ему еще ни разу не случалось видѣть. Это былъ блестящій крестикъ съ колечкомъ... для ношенія на груди. Онъ такъ странно свѣтился и блестѣлъ, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ...

— А это что такое? спросилъ Вишъ, показывая на крестикъ.

Хенго кажется только теперь замѣтилъ, что вынулъ его изъ сумки и старательно началъ укладывать въ мѣшокъ подъ платьемъ.

— А! это, сказалъ онъ, смутившись немного,—это знакъ... для людей другой вѣры—не вашей... онъ имъ счастье приноситъ...

— А намъ не принесъ бы счастья? спросилъ Вишъ.

Хенго не отвѣтилъ ни слова. Полная тишина снова воцарилась въ избѣ. Этотъ, такъ быстро спрятанный, таинственный знакъ занималъ всѣхъ. О немъ теперь думали. Нѣмецъ зоркими глазами старался угадывать ихъ мысли.

— Трудно устоять, проговорилъ хозяинъ,—когда что нибудь само въ домъ приходитъ, а въ жизни можетъ пригодиться. Въ былыя времена у жрецовъ только да у жупановъ можно было встрѣтить такія вещи, а теперь и мы, кметы, волей-неволей, должны ихъ приобретать. Не возьмутъ дѣвки, да и она отцовскаго дома не оставитъ, пока ей къ вѣнцу не прибавятъ блестящихъ колецъ и иголокъ.

Вишъ поманилъ рукою старшаго сына и шепнулъ ему что-то на ухо... Сейчасъ же онъ и другой братъ его вышли изъ избы. Вишъ сѣлъ на скамью и началъ отлаживать въ сторону, что ему хотѣлось оставить для себя и для своихъ. Онъ отложилъ красивый мечъ, нѣсколько топоровъ, молотъ, одинъ, другой, ножницы, нѣсколько колецъ, два ожерелья съ блестками... Старикъ призадумался и началъ считать, хватитъ ли для всѣхъ отложенныхъ вещей.

Хенго, пользуясь удобною минутою, взялъ со скамьи пару желѣзныхъ наплечниковъ и поднялъ ихъ вверхъ.

— Вотъ это пригодилось бы старому Вишу, сказалъ онъ,—да не только что пригодилось бы, но это ему и пристало...

— А мнѣ на что? спросилъ хозяинъ,—развѣ чтобы сыновья со мною вмѣстѣ сложили въ могилу... Воевать мнѣ ужъ не придется, на то есть у меня взрослые парни, а дома на что?

— Ты сказалъ: «въ могилу», началъ Хенго,—да хранить тебя боги долгія лѣта, но и въ могилу взять это съ собою не мѣшаетъ... У васъ вѣдь обычай такой, что на костеръ одѣваютъ оружіе и лучшую одежду, какъ слѣдуетъ богатому кмету...

Старикъ рукою махнулъ въ отвѣтъ на эти слова.

— Что ты, что ты! сказалъ онъ. — Желать да брать очень легко, но что дать въ замѣнъ? У насъ теперь запасы небольшіе.

— Ну, мѣхъ да янтарь долженъ же быть у васъ; море у васъ подъ руками; а въ землѣ вашей развѣ его мало?..

Вишъ молчалъ, дожидаясь возвращенія своихъ сыновей. Вскорѣ оба появились въ дверяхъ: одинъ изъ нихъ несъ большой мѣшокъ, другой вязку кожъ и разныхъ мѣховъ. Когда сыновья Виша разложили все принесенное на землѣ, нѣмецъ началъ вынимать изъ мѣшка куски янтара, большіе комки земли, свѣтящіеся мѣстами. Глаза Хенго блестѣли; онъ внимательно осматривалъ каждый комокъ земли, каждую грудку янтара: нѣкоторые куски отливали прелестнымъ желтымъ цвѣтомъ, другіе казались окаменѣвшею жидкостью... Мѣха были великолѣпны: Хенго щипалъ ихъ пальцами, ни одинъ волосокъ не остался у него въ рукахъ.

Вишъ и Хенго начали торговаться молча, безъ словъ... Хенго откладывалъ въ сторону янтарь и мѣха, которыя ему хотѣлось получить въ замѣнъ за свои металлы; старый Вишъ отбрасывалъ чего не хотѣлъ дать въ обмѣнъ. Нѣсколько разъ они пересчитывали кожи и то, что лежало на скамьяхъ, вѣсили въ рукахъ куски янтара, прибавляли, убавляли... То одинъ то другой выражалъ неудовольствіе... То Вишъ что нибудь прибавить или отложить въ сторону, то Хенго возьметъ кольцо со скамьи или кусокъ янтара прибавить къ ранѣ отложеннымъ. Иногда оба задумывались: казалось тогда, что обмѣнъ не совершится, что между ними не будетъ согласія. Хенго дѣлалъ видъ, что свои вещи укладываетъ въ сумки, а парни, по приказанію Виша, убирали кожи... Наконецъ Хенго протянулъ руку, а старый Вишъ ударилъ по ней своею рукою. Сдѣлка увѣнчалась успѣхомъ. Вишъ пересчиталъ приобрѣтенный товаръ и сейчасъ же раздѣлилъ его среди всеобщаго восторга. Сыновья кланялись ему въ ноги, женщины смѣялись отъ радости... Нѣмецъ складывалъ кожи, связывалъ ихъ и укладывалъ янтарь.

Хенго совсѣмъ выбился изъ силъ за эту работу: онъ напился воды и присѣлъ на скамью...

— Ну вотъ смотри, сказалъ хозяинъ,—сколько мы тебѣ дали, а взаменъ что мы получили! Въ двѣ руки все спрячешь! Почему это все ваше такъ дорого, а наше—дешево?

Хенго улыбнулся.

— Во-первыхъ, началъ онъ объяснять,—я жизнь подвергалъ не малой опасности, пробираясь къ вамъ съ моимъ товаромъ. Не легко путешествовать! А то, что я вожу съ собою, этого земля не даетъ и люди не дѣлаютъ, а только однѣ духи, живущіе въ пещерахъ... Они похожи на крошечныхъ людей... За этимъ металомъ они должны входить въ самую глубь земли... Не мало земли потопчешь, пока вымолишь у нихъ хоть немного этихъ вещей... Не день и не два, но цѣлые мѣсяцы и годы ѣдешь къ нимъ... да! Каждый день жизнь въ опасности: дикіе звѣри, да и чужіе люди, всегда готовы обокрасть путешественника, — это вѣдь не шутки! Хотя и знаешь всѣ рѣки, овраги и горы, но не разъ заблудишься... Иногда ѣсть нечего, а часто и отдохнуть негдѣ... Хорошо и то, что жизнь сохранишь! И чтожъ тутъ удивительнаго, что за малый кусокъ метала много берешь. Для васъ лѣсъ и дикій звѣрь—это забава, янтарь море даетъ и земля рождаетъ...

Вишъ, молча, слушалъ. Работники и сыновья его отошли въ сторону; женщины болтали весело въ сосѣдней избѣ, одна только Дива, красавица, дочь Виша, не принимала въ общей радости никакого участія: она стояла въ полукрытыхъ дверяхъ и прислушивалась къ общему говору.

Вишъ говорилъ тихо; Хенго ловилъ его слова на лету.

— А если такъ трудно и опасно развозить товары, сказалъ Вишъ, — такъ зачѣмъ ѣздить? У тебя должна же быть земля и хижина?

Хенго нахмурилъ брови.

— А ты зачѣмъ ходишь на охоту, зная, что звѣри свирѣпы и дики? возразилъ онъ Вишу.—Значить ужъ на роду такъ написано: человѣкъ не

въ силахъ перемѣнить своей жизни. Я не гоняюсь за богатствомъ, а за судьбою своей, которая заставляетъ идти все впередъ. Цѣлые народы откуда-то съ востока приходили, оставляли свою землю, искали новой, а развѣ у нихъ былъ недостатокъ въ землѣ? Точно такъ и мой духъ заставляетъ меня скитаться по бѣлу свѣту.

— Во многихъ земляхъ бывалъ? спросилъ Вишъ.

Хенго улыбнулся.

— Въ столькихъ земляхъ, что и не упомяну изъ сколькихъ рѣкъ воду пилъ, черезъ сколько горъ проходилъ; два моря видѣлъ... а языковъ, которые приходилось слышать, не счѣталъ бы перечислить, а разныхъ людей сколько?!...

— Изъ всѣхъ народовъ, говорятъ, нашихъ больше всего, сказалъ Вишъ. — Поляне понимаютъ и тѣхъ, которые по Одери живутъ, и по Лабѣ, и Поморцевъ, и Ранъ на Островѣ, Сербовъ и Хорватовъ тоже, и Моравцевъ вплоть до Дуная... и дальше. Кто ихъ всѣхъ пересчитаетъ! Нашихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ.

— Гмъ! произнесъ Хенго. — И нашихъ тоже довольно...

— А земли вдоволь, всѣмъ хватаетъ, продолжалъ Вишъ, не обращая вниманія на слова Хенго. — Каждый у себя дома всегда найдетъ что ему нужно: мать-землю подъ ногами, солнышко надъ головою, воду въ рѣкѣ, а хлѣбъ въ рукахъ.

Хенго молчалъ.

— Хотя оно и такъ, сказалъ онъ наконецъ, — а все-жъ одни на другихъ нападаютъ: кто съ голода, кто съ жадности, а часто и ради плѣнныхъ, если въ нихъ недостатокъ...

— Это у васъ такъ, замѣтилъ старикъ. — Намъ войны не надо, мы вовсе не любимъ ея. Наши боги любятъ миръ и мы тоже.

Эти слова не понравились нѣмцу.

— А кто васъ станетъ беспокоить? спросилъ онъ: — земли много, конца ей нѣтъ; лѣсъ — войти легко, но какъ выйти потомъ?..

— Мы у васъ научились воевать и защищаться, сказалъ Вишъ; — прежде объ этомъ мы и понятія не имѣли. Правда, гдѣ-то тамъ у заката солнца ваши духи дѣлаютъ оружіе лучше нашего, но и наши старые камни да палицы дѣлаютъ свое дѣло также хорошо.

— Мы уже успѣли забыть о камнѣ, возразилъ Хенго; — старые молоты давно ужъ лежатъ въ могилахъ и врядъ ли отыщеть ихъ кто нибудь. Камень ни на что не годенъ, когда есть металлъ, а маленькіе духи все больше и больше выносятъ его изъ земли.

— Къ намъ его привозятъ со стороны моря и изъ вашихъ земель, продолжалъ Вишъ, — а все же мы учимъ дѣтей уважать камень, потому что боги сами выучили нашихъ предковъ какъ его обдѣлывать. Въ каждую могилу мы кладемъ молотъ — божью сѣкиру, каменную, чтобъ умершій могъ представить ее своимъ богамъ и показать, кто онъ и откуда пришелъ. А

то иначе боги не узнали бы его. И такъ будетъ во вѣки вѣковъ и у вну-
чать нашихъ.

Хенго съ любопытствомъ ловилъ каждое слово Виша. Старикъ поднялся со скамьи, протянулъ руку на полку, надъ мисою съ тѣстомъ, на которой лежали каменные молоты и топоры съ деревянными ручками, взялъ ихъ нѣсколько въ обѣ руки и, показывая нѣмцу, проговорилъ:

— Это намъ досталось въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Они били ими враговъ, убивали жертвы богамъ и охотились на звѣрей. Если бы не камень не было бы ни жизни, ни человѣка. Изъ камня произошелъ человѣкъ и жилъ помощію камней. Изъ камня вышелъ первый огонь, опъ зерно обратилъ въ муку—и да будетъ благословенъ! Вашъ металлъ ѣстъ и вода, и земля, и воздухъ, а нашего камня ничто не портитъ!

Послѣ этихъ словъ Вишъ осторожно положилъ молоты на полку.

Во время разговора Виша съ гостемъ, служанки хлопотали около печи, приготовляя ужинъ. Яга стояла въ открытыхъ дверяхъ, ведущихъ въ слѣдующую избу, и присматривала за ними. Вмѣстѣ со служанками работали и дочери и невѣстки Виша; одна только Дива, со сложенными на груди руками, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ, издали присматривалась ко всей этой суетнѣ. Она была моложе всѣхъ въ домѣ, любимицей родителей, притомъ красивѣе всѣхъ и пѣла пѣсни: лучше ея никто не умѣлъ пѣть. Мать учила ее прелестнымъ рассказамъ, отецъ ей одной передавалъ старыя преданія. Всѣ знали, что ее навѣщали духи, что ночью духи нашептывали ей такія вещи, о которыхъ никто,—ни мать, ни отецъ даже—не зналъ. Кто хотѣлъ узнать свое будущее обращался къ ней: она посмотритъ, бывало, подумаетъ и скажетъ. А пѣсни у нея родились, точно весною цвѣты на прибрежномъ лугу. Когда на перекресткахъ или у священныхъ источниковъ ея семейство складывало жертвы богамъ, она была первою въ этомъ дѣлѣ и всѣ уступали ей первое мѣсто и всѣ уважали эту избранную богами дѣвушку: ни одинъ парень не осмѣливался взглянуть на нее. Всѣ знали, что она любимица боговъ и духовъ. Вотъ почему она не боялась идти въ лѣсъ, въ тѣ мѣста, гдѣ пребывали духи, летая надъ ручьями и оврагами; никто, кромѣ нея, не посмѣлъ входить въ такое мѣсто. Дива знала, что невидимая рука всегда защититъ ее отъ нападенія дикаго звѣря или оборотня, не допустить подойти къ ней ужу или дракону.

У огня приготовляли ужинъ, который по случаю прибытія гостя былъ нѣсколько лучше обыденнаго. Въ большомъ горшкѣ Яга велѣла сварить мясо съ крупю. Тутъ же у самого огня поджаривали большой кусокъ свѣжей козлятины. По приказанію Яги на столѣ въ деревянныхъ кувшинахъ парни поставили медъ и пиво. По всему было видно, что Вишъ не бѣдный кметъ; и молока было вдоволь, а хлѣба и калачей очень много.

Когда все было готово, Вишъ попросилъ гости занять мѣсто за столомъ, а самъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣли сыновья, а нѣсколько дальше работники... Дѣвицы и женщины не сѣли вмѣстѣ съ мужчинами: онѣ прислуживали. Молча принялись всѣ за мясо,

отрывая куски пальцами, только Хенго вынулъ небольшой ножъ и началъ рѣзать мясо для себя. Этотъ чуждый полянамъ обычай обратилъ общее вниманіе, такъ какъ здѣсь ножомъ рѣзали только одинъ хлѣбъ, а все остальное ѣли и дѣлили пальцами. Разставленные пиво, медъ и воду женщины разливали въ небольшіе деревянные кувшины и подавали сидящимъ за ужиномъ... Вишъ вылилъ немного пива на полъ... Хенго, котораго голодъ сильно беспокоилъ, ѣлъ и пилъ много и, только когда наѣлся вдоволь, вспомнилъ о своемъ сынѣ. Онъ обратился съ просьбою къ хозяину, чтобы тотъ приказалъ накормить Герду. Вишъ кивнулъ головою.

— Ёшь и не безпокойся, сказалъ онъ Хенго,—объ немъ не забудутъ. У насъ такой обычай, что заботятся не только о хозяинѣ, но и о его слугахъ; если бы у тебя были съ собой собаки и онѣ не околѣли бы съ голоду. Кто знаетъ что носятъ въ себѣ звѣри, которымъ боги отказали въ рѣчи? Онѣ вѣдь понимаютъ насъ, стерегутъ при жизни, а послѣ смерти жалѣютъ.

Вишъ говорилъ это, поглядывая на своихъ собакъ, которыя, вырвавшись изъ заточенія и почувавъ ужинъ, вошли въ избу, влѣзли подъ столъ и грызли кости, которыя бросали имъ ужинающіе.

Солнце клонилось къ закату, когда, наѣвшись и напившись, Вишъ всталъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ оставили свои мѣста. Поднялся съ мѣста и Хенго; мужчины вышли на дворъ, уступая свои мѣста женщинамъ.

Старикъ повелъ вѣмца къ рѣкѣ, на тоже мѣсто, гдѣ они сидѣли недавно. По пути Хенго оставилъ свои мѣшки и сумки въ сараѣ, такъ какъ чуть свѣтъ онъ намѣревался отправиться въ путь. Въ роищѣ пѣли соловьи, надъ болотами летали крикуны птицы, наполняя воздухъ своими возгласами, въ лѣсу куковала кукушка, а на лугу, въ тростникѣ, коростель, точно часовой, вскрикивалъ время отъ времени... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли Вишъ и Хенго, два аиста, гнѣздо которыхъ виднѣлось на одной изъ крышъ, прохаживались взадъ и впередъ, время отъ времени наклоняя свои клювы для поимки перепуганныхъ лягушекъ.